Ткнув меня локтем Бо буквально вывел меня из ступора.

“Эй... ты в порядке?” прошептал он. “Ты выглядишь очень странно. Это то, что мы пришли увидеть?”

“Хм, да, я в порядке,” сказал я, пытаясь восстановить самообладание. “И да, это так.”

Члены аудитории заметили наше присутствие, но они проигнорировали нас. Их в целом более темная кожа и шерсть заставили меня предположить, что все они были молодыми членами Красного Креста, в возрасте от едва подростков до молодых взрослых.

Их внимание было полностью уделено двум воинам перед ними. И мое тоже.

Трудно было сказать, сражались ли они, тренировались, просто выступали или делали все это одновременно. Хотя их лезвия никогда не встречались, они часто разрезали воздух там, где конечности были секунды назад.

Это было за пределами всего, что я когда-либо видел.

Я не мог видеть никаких признаков использования ауры, но они все еще были необычайно быстрыми и точными, несмотря на то, что у них обоих не хватало руки.

Танец Мабору был властным и уверенным, без размахиваний и в основном отправлял ее в наступление. Ее ноги двигались стремительными движениями, когда она делала выпады и

парировала, редко отрываясь от земли и никогда в одно и то же время.

Ее стиль чувствовался гордо милитаристским, в том смысле, что она шла по пути убийства оппонента. В этом аспекте стиль мужчины был противоположным.

С дерзкой усмешкой он уклонялся от ее клинка с помощью акробатики, которая не только бросала вызов гравитации, но, казалось, меняла ее в его пользу. Он заставлял свое тело падать немного медленнее или быстрее во время кувырков, прыжков и сальто назад, что делало его ритм и атаки непредсказуемыми.

Его меч всегда появлялся с неожиданных углов, и когда никто не ожидал, пытаясь поймать Мабору врасплох.

Она преследовала его, терпеливо ожидая момента, когда он совершит ошибку. Он убегал, всегда получая достаточно поводов, чтобы дразнить ее перспективой захвата.

Это было прекрасно, но чем дольше я смотрел, тем больше чувствовал, что что-то не так. Расстраивало то, что я не мог понять их, так как оба танца были незнакомы и намного превосходили меня с точки зрения мастерства.

Они оба улыбаются, хотя я уверен, что они могут сказать, в чем проблема.

Конечно, это может быть объяснено тем фактом, что это была не битва на смерть, но я все еще чувствовал необходимость подняться туда и продемонстрировать должное уважение к танцу и почтение к музыке. Я чувствовал его зов в моей груди и в моих костях. Я знал, что он обещал.

Однако, даже если я прекрасно знал, что хочу ответить, я не знал, должен ли я.

Я взглянул на своего спутника в попытке отвлечься. Теперь мы оба сидели за рядами внимательных зрителей. Несмотря на то, что Бо поначалу казался таким же очарованным, как и я, его глаза в настоящее время показывали отстраненное отсутствие интереса, что казалось мне безумным.

Настала моя очередь привлечь его внимание хлопнув по плечу.

“Что случилось?” спросил я шепотом, который помог мне замаскировать мой иррациональный шок.

“О-х, ничего,” сказал он со странной улыбкой. “Они очень опытные. Очевидно, сильные люди… просто я не нахожу это очень приятным. Ты, очевидно, другого мнения, так что я не против.”

Я моргнул. Я был таким прозрачным?

Он, вероятно, не может понять, что происходит, потому что у него нет такого специфического класса, подумал я. Все, что он видит, это впечатляющий бой.

И это предполагало, что кто-то без характеристики восприятия может даже понять, что происходит.

Теперь, когда я думаю об этом, что эти дети делают здесь в первую очередь?

Хотя они явно старались не пропускать ни кусочка боя, их это, похоже, не развлекало. Их серьезные лица заставляли их больше походить на прилежных учеников.

Но почему? Нет никакого способа, которым они могли бы извлечь что-нибудь из этого.

“Не пойми меня неправильно, я понимаю, что они, должно быть, потратили много времени и усилий, чтобы достичь этого уровня,” пробормотал Бо. “И я бы с радостью приложил руку, чтобы стать таким же сильным, как и они, однажды, но... Они одаренные люди, у которые нет выбора что им делать со своими подарками.”

“Никто на самом деле не свободен делать все, что хочет,” сказал я.

“Я знаю это,” пожал он плечами. “Но, возможно, звание героя не имеет ничего общего с тем, чтобы быть слабым или сильным. Может быть, это больше о том, что ты делаешь для окружающих... или нет. Но я знаю, что это делает меня счастливым, независимо от того, умру ли я здесь через несколько месяцев или нет.”

“Я согласен,” сказал я. “Быть героем не имеет никакого отношения к тому, насколько ты силен. Речь идет о том, чем ты готов пожертвовать ради других.”

“Разве это не делает тебя героем? Поскольку ты собираешься спасти храм от тумана.”

“Определенно нет. Это на самом деле не сложно для меня, и я в основном делаю это, чтобы спасти себя.”

Он засмеялся и вызвал несколько свирепых взглядов в нашем направлении.

“Завтра утром я вернусь в шахту,” прошептал он.

Я посмотрел в его глаза, и они полны уверенности. “Почему?” спросил я. “Ты ненавидишь работать там и знаешь, что тебе больше не нужно это делать. Ты мог бы работать в баре, я уверен, что Лаура тебя возьмет.

“Это не может соответствовать зарплате в шахте,” сказал он пренебрежительно. “Да, я ненавижу это, но я буду в порядке. Может быть, это потому, что я больше не боюсь смерти, но я думал о том, что ты сказал, и я думаю, что... Я нашел свой смысл. То, что я хочу сделать.”

Он взял камень с земли и уставился на него, как будто ответы, которые он искал, были написаны на нем.

“Я просто очень хочу, чтобы Лима и Сан были счастливы,” сказал он со смехом, но я мог видеть, что его глаза покраснели. “Они единственная семья, что я когда-либо имел... Я люблю их. Ничто не говорит о том, что госпожа сможет поддержать всех в новом осколке, и если мы найдем дом, это поможет сэкономить много денег . Простая поддержка их настолько, насколько я могу, сделает меня счастливым. Это... Ты думаешь, что это неправильно?”

Циник во мне хотел сказать ему, что сделать кого-то источником своего счастья было невероятно плохим выбором, но я не мог.

Это то, что он действительно делает, в любом случае, рассуждал я. Его действия не

гарантируют благодарности, но поскольку это не то, что ему нужно, кто я такой, чтобы сказать ему, что это плохая идея?

И я сомневался, что Сан и Лима за одну ночь превратятся в аморальных монстров.

"Нет", наконец сказал я. “Я думаю, что это делает тебя их героем.”

Яркая улыбка Бо заставила меня чувствовать себя виноватым за свои мысли. Его способность добровольно изменить свое мировоззрение в течение дня, безусловно, делало его намного более зрелым, чем был я в его возрасте.

“Кроме того, в настоящее время люди зарабатывают в шахте намного больше денег, поскольку они могут оставаться столько, сколько хотят,” сказал он. “Охранники расчищает еще более низкие уровни, и там намного больше серебра… Ну, я уверен, что ты знаешь, так как ты сам видел это.”

"Да я-"

Я потерял ход мыслей, и с сожалением заметил, что музыка угасла, а сами воины уже прекратили свое смертельное представление. Однако невозможно было бы догадаться, чем они занимались, просто взглянув на них, поскольку они не выглядели даже слегка запыхавшимися. Мабору посмотрела на меня.

Хотя она мне не нравилась, я должен был признать, что это, вероятно, было связано с обстоятельствами, в которых мы встретились друг с другом. И, по крайней мере, самодовольная улыбка, что всегда была у нее на губах, заставляла ее выглядеть гораздо более гостеприимной, чем ее дочь.

“Надеюсь, вы все были внимательны,” сказала она с улыбкой в сторону аудитории. Некоторые из зрителей с энтузиазмом кивнули, другие старались не встречаться с ней взглядом.

Они пытаются воспользоваться какой-то лазейкой?

Я знал, что изгнанникам не разрешалось обучать молодое поколение, но, возможно, не было никаких правил против передачи своих знаний косвенным образом. Это объяснило бы, почему они организуют это мероприятие для тех, кто не имеет классов, чтобы попытаться передать некоторое понимание.

“Есть кое-кто, кого я хотела бы представить вам сегодня вечером, хотя некоторые из вас уже видели его в гильдии,” сказала Мабору, подзывая меня. “Эдвард, иди сюда.”

Путь был проложен, и я внезапно оказался с огнем позади меня, между Мабору и ее партнером.

“Относитесь к нему как к члену нашей семьи, понятно?”

Это было предисловие или приказ?

“Правда?” сказал один из младших ребят, которые смотрели на меня с подозрением. “Почему? Потому что он исследователь? У нас есть Мару, нам не нужны другие.”

Ох, мальчик... Они не знают о сделке. Это значит... они не сказали ребятам, что некоторым из них придется оставить своих родителей.

“Ну, хотя Эдвард не из Жемчужины, как мы, он был бы достоин жить там. Он танцор клинка…”

Этот первый кусочек информации вызвал некоторое удивление, но не так сильно, как второй.

“… со стилем,” закончила Мабору.

“Каким?”

“… Не из Жемчужины со стилем?”

Парень постарше стоявший сзади, закрыл глаза на Мабору и указал дрожащим пальцем на меня: “Почему мы не заставили его мастера учить нас?”

Мабору покачала головой: “И как бы мы это сделали?”

“У нас есть ученик здесь! Мы могли бы заставить его сказать нам, где его учитель, затем…”

“Лони, это будет соответствовать поведению кого-то с твоим происхождением? Что бы сказала

твоя мама?”

“Моя мама, не колебалась бы,” прошипел он.

“Тогда положи задницу назад вниз, прежде чем я снова отдубасю твою шкуру за то, что говорил чушь.”

Парень с неохотой сделал как было приказано, хотя его взгляд все еще кричаще враждебно смотрел на меня.

“Старейшины говорили и об эффекте, как сейчас,” сказала Мабору аудитории. “Оставьте беспокойство нам и никогда не забывайте действовать так, чтобы ваши предки гордились. Все в этом мире может быть потеряно, но ваша честь как детей Жемчужины никогда не может быть взята без вашего согласия. Это ваше самое ценное имущество. Дорожите им."

Она позволила своим словам немного задержаться, прежде чем снова заговорить.

“Есть ли какие-нибудь вопросы?”

Молодой ребенок, сидящий впереди, поднял руку: “Каков его стиль?”

“Это секрет,” сказал я.

“Секрет?” фыркнул кто-то. “Мы можем распознать любой танец.”

“… Уверен, у него его нет.”

“Да, мы сможем сказать, видели ли мы его.”

“Это дало мне отличную идею,” сказал мужчина рядом со мной. Я впервые услышал, как он говорит, и зная, что он курильщик, я не удивился, насколько это было хрипло.

Я даже не знаю, есть ли в этом мире никотин… Возможно, что-то хуже.

Мужчина развел руками и объявил о своей великой идее.

“Первым, кто угадает танец Эдварда, сможет спросить у Мабору, что он захочет!”

Она раздраженно посмотрела на него, но его улыбка не дрогнула. Идея явно заинтересовала аудиторию.

“…Что угодно?”

“Все, что разрешено кодом,” сказал он махая пальцем.

“Военные истории?”

“Да!”

“Ее кулинарные рецепты?”

“Конечно!”

“Свидание с Мару?”

“О, я вижу там, у нас есть мужественный молодой человек!,” Сказал он, подмигнув. “Ну да, конечно, это возможно! Я даю тебе свое слово!”

Возгласы удивления и рвение толпы не помешали Мабору вмешаться.

“Пьетро, прекрати эти глупости,” сказала она сквозь зубы. “И я не думаю, что Мару хотела бы услышать что ее отец отдавал ей в игре.”

Однако Пьетро совершенно не волновался: “Ты всегда должна делать все настолько серьезным,

Руру, это всего лишь маленькая игра, и это будет просто свидание! И я помню, как ты говорила, что ей следует больше веселиться.”

“Я думаю, что она права,” вмешался я. “Я не думаю, что показывать что-либо здесь было бы хорошей идеей.”

В прошлый раз, когда я держал Икун Оми, я по неосторожности либо напугал, либо раздражил большую часть города. Мне нужно было более безопасное окружение с меньшими возможными потерями для моего первого пробного запуска.

Не хочу, чтобы чья-то мать говорила, что я причинил боль их ребенку.

“Почему?” Пьетро прощупывал с таким же наклоном головы, что иногда был у Мабору. “Разве ты не хочешь показать его после того, как увидел наши?”

Я рассмеялся над нелепостью его слов, хлопнул себя по колену и искренне изо всех сил пытался восстановить самообладание за несколько секунд, прежде чем даже понял, что я делаю. Когда я это сделал, я застыл и поднял блестящие глаза на Мабору, которая смотрела на меня с поднятой бровью, и на Пьетро, улыбка которого теперь казалась неестественной.

“Какая честная реакция,” сказал он.

Блядь.

“Ты знаешь, что должен показать нам свой сейчас, верно?” спросила Мабору.

Я предполагаю, что это отвечало на вопрос, единственный ли я без ума от их танца или нет.

“Слушай,” сказал я, вытирая глаза, “Ты была в Убежище в тот день, помнишь? Есть риск, что-”

“Что ты снова не сможешь контролировать свои убийственные намерения? Именно поэтому Боквен отправил тебя сюда. Тебе нужно лучше почувствовать свою Проекцию Майндскейпа.”

Я нахмурился. Так вот что все это было?

“Я думал, что вам, ребята, нельзя учить,” сказал я.

“Мы не можем,” кивнул Пьетро. “Но ничто не мешает нам обсуждать общие знания и демонстрировать некоторые вещи.”

"Тем не менее, я-"

“Что отличает класс Танчора Клинка от большинства других?” Мабору внезапно перебил меня, задавая вопрос своим “не” ученикам.

“Танец клинка - это искусство,” сказал один из детей, не упуская многого

Они действительно игнорируют меня, подумал я с недоверием.

“Это действительно искусство, опасное искусство с божественным происхождением,” сказала Мабору. “Подобно всем видам искусства, достаточно приличные практиканты могут проявить себя в своем представление. Раскрыть кусочек своей души перед миром. Это то, что мы называем Проекцией Майндскейпа.”

По сигналу позади меня поднялась захватывающая музыка, заставив меня оглянуться на безмолвных музыкантов. Старики и женщины использовали перерыв, чтобы выпить и стереть пот со лба, и теперь их длинные пальцы снова начали играть и постукивать по инструментам в беспечной непринужденности.

Моя рука дернулась.

Мабору прыгнула, когда сделала несколько легких шагов назад, медленно поднимая меч. Когда она это сделала, я почувствовал, что температура резко понизилась, и на земле, и на нашей одежде и на нашей коже образовался иней.

Она положила одну руку за спину, и ее подбородок поднялся высоко, когда тонкий край ее лезвия стал совершенно вертикально. Менее чем за минуту она стала единственным живым существом в замерзшей пустыне. Королева льда с плавающими огненными волосами.

Но затем она топнула пяткой, разбив лед и разбив иллюзию. Мы вернулись к реальности с потрескивающим ночным огнем и музыкой, просящей, умоляющей о большем.

Это бы точно так же, как то, что делала та старая ведьма, вспомнил я о встрече со старейшинами Красного Креста. Но есть одно важное отличие...

Я не чувствовал никакой боли или серьезного дискомфорта, и один взгляд на толпу сообщил мне, что этого не было ни у кого из детей. Те немногие, кто не был в восторге с широко открытыми ртами, энергично хлопали.

“Возможность насильно привести людей в майндскейп” это то, что отличает экспертов от любителей,” сказала Мабору. “И те же эксперты ранжируются в зависимости от того, насколько хорошо они могут это сделать. Это не происходит естественным образом, и это главная причина, по которой танцоры клинка из великих кланов сравнительно слабее в молодые годы, так как они не могут поднять уровень до тех пор, пока им не удастся справиться со своим прошлым.”

Она направила свой меч на меня: “То, что ты показал в храме, не было обычным намерением убийства. Враждебность, которую ты спроецировал, была частью твоего майндскейпа, одной из эмоций, определяющих твое истинное я. Но это только один аспект картины, которую тебе нужно научиться рисовать. И для этого тебе нужно больше узнать о себе.”

Она опустила клинок и ушла прочь, оставив меня во внутреннем кольце. Я посмотрел в другую сторону и увидел, как Пьетро поднял большой палец позади зрителей.

“Музыка поможет и удержать тебя от причинения вреда кому-либо,” сказал он. “Да ладно, даже слепой крот может сказать, что ты хочешь попробовать.”

Так что музыка это то, что защитило нас от боли. Это навык?

Я увидел, как Бо ободряющие махает со своего места и вздохнул, прежде чем закрыть глаза.

Барабанщики понизили гром до глубокого грохотания. Струны сдерживали себя мягким гудением.

Я не мог найти какую-либо другую причину, чтобы не выполнить их просьбу, так как это было, по-видимому просьба улучшить себя без каких-либо рисков для других. Но я не мог не колебаться выпуская ее.

Почему?

Я знал, что она не возражала контролировать меня во время танца, многое уже прояснилось.

Так почему? Почему я… напуган?

Я прожил всю свою жизнь как мужчина. Почему я боюсь, что не могу остаться один?

Вероятно, это было связано с тем, что в отличие от моей предыдущей попытки держать ее на расстоянии вытянутой руки, она даже не пыталась меня убедить. Она молча слушала мой внутренний монолог, вероятно, удивленная моей нерешительностью, потому что она уже знала, что я уступлю.

Отчасти потому, что я хотел узнать правду об этом коварном чувстве беспокойства. В основном потому, что я просто хотел потанцевать с ней снова.

Ней.

Я вызвал меч, отбросил ножны и встал в стойку одним движением.

Так же, как тогда, когда мы впервые познакомились друг с другом. Повернувшись лицом к воображаемому врагу, удерживая его подальше от себя в слегка поднятой левой руке. Весь мой вес на правой ноге заставляет меня слегка наклониться вперед, но этого достаточно, чтобы выглядеть так, как будто я просто умоляю себя обезглавить.

Зачем быть таким застенчивым? Услышал я, как она шепчет мне на ухо.

Она была права. Мы уже знали друг друга, тратить время было бессмысленно. Зачем ходить вокруг да около?

Я вытянул правую ногу и перенес свой вес на другую. Это была позиция, которая помогла мне достичь промежуточного уровня. Пониженный центр тяжести, меч теперь направлен вверх, а я смотрю вниз.

Мое дыхание было нерегулярным, мое сердце чувствовало, что оно хочет покинуть мою грудь, и я мог слышать, как кровь пульсировала в ушах.

Никто не был достоин называться врагом, воображаемым или нет. Были только мы.

Я открыл глаза.

Мы вращались, и музыка взорвалась вместе с нами, хотя она была недостаточно громкой, чтобы задушить сладкую песню моего клинка разрывающего пространство.

С улыбкой на лице я предался радости танца.

Каждый срез, каждый порез и каждый выпад были не чем иным, как началом нового. Я катался, прыгал и крутился в воздухе, чтобы убедиться, что мы были в постоянном движении. В вечном общении.

Неумолимая смерть тем, кто осмелился поставить под сомнение наше превосходство. Безжалостная. Неотвратимая.

Потоп.

Наша техника вне конкуренции.

Наше превосходство абсолютно.

Как и в прошлые разы, мир вокруг меня начал замедляться, становясь все более и более похожим на подводный.

Это всегда было, когда что-то прерывало нас, но ничто не посмело бы в этот раз. У нас было все время в мире, чтобы утопить все глубже. Глубже.

Глубже.

Публика, музыканты, огонь. Все они исчезли в темных водах, один за другим. Наступил черед музыки, и вскоре я перестал ее слышать.

Теперь это были только я и она, но мир стал таким темным, что я не мог сказать, где начался черный клинок и где он заканчивался.

Как будто я танцевал со всем миром. Но я знал, что нет. Не взаправду.

Я перестал танцевать и огляделся. Там не было ничего, кроме меня и рукояти меча в моей руке.

Это мой майндскейп?

Я оставался связанным с реальностью мельчайшей нитью сознания и мог представить себя все еще танцующим.

Мне казалось, что я вернулся в мир внутри меча. Я мог ощутить разрушенное-сознание безумие воды, пытавшееся и не сумевшей найти что-то, за что можно ухватиться, хотя в этот раз все было иначе. В прошлый раз мир под водой был виден мне. Но теперь он был непрозрачным, как чернила.

Ну, по крайней мере, я все еще вижу себя, подумал я, глядя на свои руки.

Но как я должен был найти причину моего неконтролируемого убийственного намерения в этом темном месте?

Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему в твоем сердце столько ненависти?

Я обернулся и увидел ее. Она выглядела так же прекрасно, как в первый раз, когда я увидел ее, когда она плыла прямо передо мной, уставившись в самые сокровенные уголки моей души со скучающими глазами.

Она. Икун Оми.

Она была извержением цветов в этом монохромном мире, живой вселенной с сияющими галактиками, формирующими ее тело.

Моя рука чуть не бросилась к ней, но мне удалось сдержать себя.

Я могу придумать много причин для этого, ответил я. Но, я хочу знать, почему это не поддается контролю.

Я научился контролировать себя, чтобы делать правильные вещи. Для того, чтобы пройти мимо своих травм и искать счастья в свете. Не было никаких причин, чтобы все это перестало работать сейчас.

Богиня только покачала головой.

Моя любовь, все, что ты научился делать, это скрывать это. Чтобы похоронить их так глубоко, чтобы ты мог притворяться, что они никогда не случались. Притворяться... Да, это действительно то, в чем ты преуспел.

В этот момент я понял, почему я боялся снова использовать меч. Это было не потому, что я беспокоился о том, что она напрямую контролирует меня. Это потому, что она знала слова, которые повлияют на меня больше всего.

Ты носил маску так долго, что теперь веришь, что это твое настоящее лицо.

Нет, сказал я. Я знаю, что это не так. Я хорошо знаю. Но я предпочел бы быть в состоянии называть себя человеком.

Зачем?

Потому что альтернатива мне противна.

Ты дурак. Дурак, который бы обманут низшими существа и прикован к правилам, которые отвечали их интересам, ценностям, которые защищали их от тебя.

Она подняла руку и погладила мое лицо. Ее пальцы оставили след тепла на моей коже.

Ты думаешь, что сам знаешь, но я единственная заглянула под маску, и то, что я видела, было достаточно, чтобы убедить меня, что ты был один. Другие смертные сломались просто пытаясь сдержать меня. Но ты, стремишься, выпустить меня. После становясь единым целым.

Что ты хочешь? Наконец выпалил я.

То же, что и ты, Эдвард.

Что я хочу тогда?

Она улыбнулась, и в ее глазах я увидел неописуемые ужасы, которые заставили меня опасаться за мир, к которому у меня не было никакой привязанности.

Почему? спросил я.

Потому что это в нашей природе, сказала она. Природа потопа состоит в том, чтобы сломать, порвать и утопить все это. Погрузить все на дно бурлящей воды, где мы бы тогда танцевали, навсегда удовлетворенные.

Так чтобы весь мир выглядел так?! Закричал я, указывая ей черную смоль окрестностей. Это то что ты хочешь?

Она усмехнулась.

Эдвард, ты правда веришь, что достиг дна? Что ты даже позволил себе приблизиться?

Я моргнул в замешательстве.

Ты еще не готов, сказала она, плавая позади меня с грацией сирены, но позволь мне дать тебе намек на то, что находится под маской.

Она обняла меня, и какое-то время ничего не происходило. Затем я заметил, что тьма медленно рассеивается, освобождая место для воды голубого оттенка, которая напоминала мне о спокойном океане. За исключением того, что мы не были на дне океана.

Я... я знаю это место, пробормотал я. Это не может-

Прежде чем я успел закончить, земля треснула и сломалась под моими ногами, и я потерял опору. Знакомые руки вышли из дыры, потянувшись к моим ногам, пытаясь притянуть меня к

тому, что ожидало в темноте. Всему, что я похоронил.

Твоя ненависть родилась от твоей боли, Эдвард, сказала Икун Оми. Было разумно использовать ее как пластырь, но потоп не может быть сдержан. Твое возмездие скоро придет, и мы столкнемся с ним вместе. Мы освободим тебя от твоих цепей, любовь моя, и ты покажешь мне прекрасный мир.

http://tl.rulate.ru/book/17095/648674